

Книги Александра Быченина
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

**САФАРИ. РАЗВЕДКА БОЕМ
САФАРИ. ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ**

ЕГЕРЬ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АЛЕКСАНДР БЫЧЕНИН

ЕГЕРЬ

РОМАН

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б95

Серия основана в 1992 году
Выпуск 816

Художник
О. Юдин

Быченин А. П.

Б95 Егерь: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 377 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1363-8

Первая Дальняя! Только вслушайтесь в магию этих слов! Вот и я, профессиональный Егерь-фелинолог Олег Денисов, не устоял. И Петрович, рыжее чудовище, возразить даже не подумал. Да и кто мог предположить, что приветливая Находка, такая на первый взгляд ласковая и дружелюбная, в один прекрасный день превратится в смертельно опасного врага? А как все хорошо начиналось: романтика дальних странствий, тяга непознанного, да и на личном фронте какие-никакие перспективы... Теперь же, как говорится, унести бы ноги. Впрочем, мы еще посмотрим, кто кого. Ведь что, в сущности, могут противопоставить злобные монстры, загадочное нечто и служба безопасности компании «Внеземелье» боевой выучке и чувству локтя верных напарников — Егеря и его охотничьего кота? А при поддержке коллег и любимой девушки можно и вовсе горы свернуть...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1363-8

© Быченин А. П., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

Тише едешь — дальше будешь

*Самарская Лука, санаторий «Волжский»,
25 июля 2537 года, вечер*

— Заходи, располагайся. — Я галантно пропустил девушку в номер и вошел следом, тихонько затворив дверь. Время позднее, а соседки у меня донельзя сварливые. — На ката не наступи.

В прихожей слабо светилась тускловатая панелька — я специально ее так настроил, дабы глаза не резала после полутемного коридора.

— У тебя есть кот?! — восхитилась Маша и порхнула в комнату.

Дождаться, когда я зажгу в помещении свет, не стала. Напрасно, как незамедлительно показала практика. Буквально через секунду раздался дикий мяв, что-то грохнуло, и здоровенный рыжий кот сибирской породы вихрем пронесся мимо, едва не свалив меня с ног. Его утробному вою вторил тонкий девичий визг.

— Петрович, блин! — в сердцах выругался я, нашарив наконец сенсор.

Что ж, я думал, будет хуже. Из разрушений обнаружилось лишь перевернутое кресло да пара диванных подушек на полу. Все ясно, это Петрович, известный сибарит, ложе себе из них устроил, а так как длины в нем без малого метр (считая хвост), то оный хвост на подушках не поместился. Как раз на него незадачливая гостья и наступила, чем вызвала бурное негодование хозяина. Сама перепугалась, ясное дело. Хорошо хоть визжать перестала. Двери-то звуконепроницаемые, а вот окна я не закрываю по случаю жары. Как бы кто не услышал.

— Испугалась? — елико возможно заботливо спросил я, аккуратно приобняв Машу за талию. — Давай пожалею.

— Дурак! — притворно надулась девушка, но отстраняться не стала. — Я вообще-то кошек люблю, но у тебя звюга жуткая... Думала, ногу мне располосует.

— Не, Петрович себя контролирует, — вступился я за питомца. — Садись, показывай, где болит.

— Вот. — Маша плюхнулась на диван и вытянула стройную ножку. — Прямо на икре.

— Тут? — Я беззастенчиво распустил руки, однако возражений со стороны девушки не последовало.

Она мечтательно зажмурилась и промурлыкала:

— Ниже... Да, шалунишка, продолжай!..

Я принялся нежно массировать икру, прошелся ладонью по коленке, рука моя скользнула по бедру выше, к срезу слегка задравшегося платица... В мозгу вдруг вспыхнула отчетливая картинка: я резким движением переворачиваю девушку на живот, придавливаю всем телом, вгрызаюсь в холку и начинаю с утробным мявом огуливать размашистыми толчками...

— Твою мать!

— Что? — испуганно пролепетала Маша, поджав ноги.

— Не обращай внимания, я сейчас. — Я вышел в прихожую и приглушил свет. — Так лучше, не находишь?

Ну Петрович, ну сволочь похотливая! Вот я тебе ужо!

— Лучше, — отозвалась девушка и подпустила в голос немного капризности: — Иди ко мне, сколько можно ждать?

Я от приглашения отказываться не стал, прилег рядом и нашарил в полутьме ее губы. На вкус они оказались весьма недурны — сказалось молодое яблочное вино, которым мы не так давно угощались в баре. Я настолько увлекся приятным занятием, что совершенно не обратил внимания на легкий шорох кошачьих лап. Думать не хотелось ни о чем, разве что о девушке, лежащей рядом и активно участвующей в процессе. Руки мои вольничали вовсю, проникая в самые потаенные места, я чувствовал, как затвердели ее соски — тонкая ткань летней одежды в этом не помеха, и тем

неожиданнее был облом: Маша вдруг отстранилась и прошептала:

— Я не могу... Он смотрит!

— Кто? — не сразу врубился я в ситуацию.

Проследил за взглядом девушки. Все ясно.

— Петрович, брысь, скотина! — рывкнул я, сопроводив слова мысленным броском подушки.

Кот нехотя спрыгнул с подоконника и вальяжно прошептал в кухню.

— Порядок?

Вместо ответа Маша закрыла глаза и потянулась ко мне. Однако идиллия продолжалась недолго: не успел я как следует заняться упругими холмиками с бугорками сосков, как она закусила губку и простонала:

— Опять!.. Ну что же это такое?!

Я сграбастал с пола ближайшую подушку и швырнул в окно. Бросок получился отменный: чертова Петровича буквально смело с подоконника, и он вывалился наружу с невнятным мявом.

— Вот и все, — успокоил я Машу. — Продолжим?

— Нет! — Она уперлась ладонями мне в грудь, оттолкнула и вскочила с дивана. — Ты зачем его выкинул?!

— А чего он?! — не нашелся я, что ответить. — Сама же говорила, что мешает...

— Дурак! Шестой этаж же!

— Да не будет ему ничего. — До меня наконец дошло, что так расстроило девушку. — Это же Петрович!

— Извини, но я так не могу! — отрезала Маша уже из прихожей.

— Тебе свет включить?

— Не надо, я босоножки нашла. Пока.

Дождавшись прощального хлопка двери, я залез в бар и плеснул в стакан на два пальца виски. Холодильник снабдил меня пригоршней льда, и я во всеоружии устроился на диване. Уставился в окно, сосредоточился. Мысленно нарисовал портрет наглой рыжей морды и послал зов. Через пару минут послышался скрежет когтей по пенобетону, и над подоконником показалась сначала та самая наглая рыжая морда, а потом и весь кот целиком. Крупный сибиряк

устроился рядом с чудом уцелевшим горшком с карликовой пальмой и пристально уставился мне в глаза.

— Надеюсь, ты понимаешь, что обломал мне интим?

Кот моргнул левым глазом, фыркнул. В мозгу сформировалось изображение маленького белого котенка с огромными голубыми глазами. Пушистый комок умильно ерзал лапой по полу.

— Стыдно, говоришь? Ладно, верю. Иди, за ухом почесу, как ты любишь.

Зверь рыжим ядром сорвался с подоконника и удобно устроился у меня на коленях. Включил урчалник, радуясь ласке. Я отхлебнул виски, запустил пальцы в густую шерсть и подумал, что надо бы завтра с утра отыскать под окном подушку.

*Самарская Лука, санаторий «Волжский»,
26 июля 2537 года, утро*

Звонок застал меня посреди утренней пробежки. Я успел намотать километра три по санаторскому парку и уже собирался рвануть к пляжу: заключительный трехкилометровый отрезок по сложившейся за две недели традиции пролегал по волжскому берегу, благо погода радовала. К тому же нет удовольствия больше, чем ухнуть с разбега в прохладную по причине раннего утра воду и смыть пот с разгоряченного тела. Не пойму, почему Петровичу не нравится? Бегать со мной он столь же традиционно отказывался, предпочитал заменять тренировку ночным моционом по местным кошечкам. Впрочем, ему виднее. Он хоть и генно-модифицированный мутант, но исконную кошачью водобоязнь сохранил в полном объеме.

— Да, — буркнул я, на бегу ткнув пальцем в браслет инфора.

Не люблю сверхкомпактные модели, которые в ухе уместаются. Там место наушникам, причем хорошим — не дело километры наматывать в тишине. Под хорошую ритмичную музыку и бежится веселее.

— Денисов Олег Игоревич? — официальным тоном осведомились на другом конце провода.

— Да. Чем могу?

Конечно, шесть километров в не самом быстром темпе — не та дистанция, чтобы выдохнуться, но дыхание надо беречь.

— Меня зовут Дмитрий Евграфович, я из кадрового агентства «Космос-Плюс». Мы хотим предложить вам работу. Интересно?

— Возможно.

— Насколько я знаю, вы сейчас не связаны контрактом, — проявил настойчивость агент. — Смею надеяться, наше предложение вас устроит. Я выслал пакет документов на ваш электронный ящик, перезвоните мне, пожалуйста, когда прочтете.

— Хорошо.

— Всего наилучшего! — Абонент отключился, а я с облегчением вырулил на знакомую аллею, ведущую аккуратно на пляж.

Что за народ, я не понимаю! Не успел еще отпуск отгулять, а уже достают предложениями, от которых я не смогу отказаться. А как же, других они не делают, тем более людям с такой редкой профессией.

Я отогнал посторонние мысли, растворившись в ритме, и взвинтил темп. В рекордные семь минут добил дистанцию и с ходу нырнул в Волгу, как был, в шортах и кроссовках. С удовольствием поплескался некоторое время, потом выбрался на берег и развалился на теплом песке. Вот теперь можно и о работе поразмыслить.

В принципе агент прав — пора задумываться о ближайшем будущем. Положенный отпуск почти отгулял: две недели на Карибах, две недели на волжских просторах. Сегодня, если разобраться, последний день законного отдыха. Потом у меня будет еще ровно две недели. Если за этот срок не найду интересную работу, придется довольствоваться госслужбой, а там уже как повезет: могут с одинаковым успехом и нормальный проект предложить, и в жуткую дыру загнать. И ведь не поспоришь: условия для всех одинаковые — что для обычного Егеря, что для суперпуперпрофессионала-фелинолога. Государевой службой я уже сыт по горло: пять лет в академии, год в фелинологической учебке и обязательный двухлетний контракт. Собственно, я и сей-

час как Егерь-профессионал себе по большому счету не принадлежу — обязан отпахать на родное государство еще не менее десяти лет. Но тут есть один маленький нюанс: по истечении очередного договора я могу в установленный срок заключить новое трудовое соглашение по своему выбору. Из имеющихся на данный момент предложений, разумеется. Речь не идет о частных подрядчиках, если только они не выполняют государственный заказ. Короче, взглянуть на документы не помешает. Мучимый сомнениями, я нехотя побрел к жилому корпусу.

В номере я первым делом принял душ, смыл песок, и устроился у терминала. Выход в Сеть имелся во всех номерах санатория — все-таки не в Средневековье живем. Консерватизм хорош в меру. Почтовый ящик встретил меня обширным списком спама, скопившегося за месяц, и письмом с пометкой «Контракт». В пару кликов избавившись от мусора, я вскрыл послание Дмитрия Евграфовича и углубился в чтение. Минут через двадцать я закрыл браузер и задумчиво почесал в затылке. Предложение весьма меня заинтересовало, но хотелось подробностей. Умеет агент заинтриговать, ничего не скажешь.

С улицы в открытое окно маханул Петрович. Уселся на подоконнике, уставился на меня гипнотическим взглядом. Перед глазами возник рыжий кот, с озадаченным видом обнюхивающий некую абстрактную хреновину. Перевести образ можно было классической присказкой айтишников: WTF?

— Да сам еще не до конца разобрался, — хмыкнул я в ответ, пожав плечами. Этот жест Петрович прекрасно понимал. — Вроде работу предлагают, интересную.

Для усиления эффекта я представил Егеря в полном снаряжении, пробирающегося с верным котом по диким джунглям неизвестной планеты. Петрович довольно заурчал — ему отпуск порядком наскучил. Действительно, всех местных кисок уже огулял, а к воде его и сметаной не заманишь.

— Уговорил, звоню. — Я выбрал в списке контактов нужный номер и послал вызов. Дождавшись прекращения

гудков, осведомился: — Дмитрий Евграфович? Денисов беспокоит, Олег Игоревич который.

— Весьма рад! — отозвался агент.

В голосе его отчетливо слышалось удовлетворение: дескать, говорил же, что перезвонишь.

— Я прочитал ваше письмо. В принципе предложение заманчивое. Но есть вопросы.

— Хотите обсудить их при личной встрече? — ничуть не удивился агент.

— Было бы неплохо...

— Ново-Садовая, двадцать три. Корпус два, офис сто двенадцать ноль десять. Приезжайте в любое удобное время. Рабочий день у нас до семнадцати часов. До скорой встречи.

— Ага, — буркнул я, вырубая инфор. — Ну что, Петрович, поеду с работодателем трепаться. Веди себя хорошо, старушенций не терроризируй. Тем более они нашу подушку утром притащили.

Самара, 26 июля 2537 года, утро

Искомый офис обнаружился на сто двенадцатом этаже высотной свечки в центре города. Добрался я быстро, благо таксисты около санатория дежурили круглосуточно и цены не ломили. Дольше пришлось толкаться в вестибюле офисного центра, дожидаясь очереди в лифт. Шел десятый час утра, многие клерки еще только добрались до работы, и я совершенно среди них затерялся, облаченный по случаю важной встречи в выходной костюм, ради которого пришлось заглянуть в ближайший «Shelby's». Считаю, в местный час пик попал. Тем более что забираться пришлось на самую верхотуру: фирма «Космос-Плюс» позиционировала себя как солидное заведение, а потому заняла просторный пентхаус. Впрочем, после встречи с Дмитрием Евграфовичем выяснилось, что были и другие причины. У самого лифта я умудрился вляпаться в перепалку с какой-то рыжей язвой. Когда я дождался очереди и уже было начал протискиваться в кабинку, откуда ни возьмись нарисовалась миниатюрная, если не сказать худосочная, девица и нагло вклинилась в свободное пространство прямо передо мной.

Я успел лишь проводить недоуменным взглядом скрывшуюся за створками девчонку и выругался матерно, в последний миг уменьшив громкость. Зато следующий лифт от меня не ушел, и через три минуты стремительного подъема я вывалился из кабинки и уперся в дверь с цифрами «112010». Деликатно постучал, дождался традиционного «войдите» и оказался в просторной приемной, оснащенной, как водится, миловидной брюнетистой секретаршей. Здесь же в одном из гостевых кресел устроилась давешняя наглая девица.

— К Дмитрию Евграфовичу могу попасть? — осведомился я, одарив секретаршу фирменной улыбкой.

Та улыбнулась в ответ, но сказать ничего не успела — влезла рыжая язва:

— Вообще-то я тоже к Дмитрию Евграфовичу. Будьте любезны подождать своей очереди.

Я окинул девицу внимательным взглядом, отчего она слегка смутилась и очаровательно покраснела, как это умеют рыжие. Вполне себе любопытный экземпляр. Все-таки миниатюрная, а не худосочная: во всех нужных местах из-под несколько легкомысленного брючного костюма выступают весьма аппетитные округлости, пышностью не поражают, но удивительно пропорциональные. И лицо миловидное, с очаровательными ямочками на щеках. Слегка курносая, глаза светло-голубые. Стрижка короткая, волосы лишь закрывают уши. И цвет — не огненно-рыжий, не золотой, а глубокого медного оттенка, плотный и насыщенный. А на вид вы, дамочка, очень даже ничего. Жаль, если стервой окажетесь.

— Вообще-то на вашем месте я про очередь бы не заикался, — немного грубовато ответил я на ее выпад. — Удобно было в лифте?

Рыжая задрала нос и демонстративно отвернулась. Я столь же демонстративно занял ближайшее к двери кресло. Наглая девчонка набрала в грудь воздуха, явно вознамерившись устроить скандал, но тут весьма своевременно вмешалась секретарша:

— Молодые люди, будьте благоразумны! Дмитрий Евг-

рафович примет вас одновременно. Вы ведь Денисов, Олег?

Я кивнул, подтверждая очевидное.

— А вы Рыжик, Галина?

Я громко хмыкнул, рыжая язва вспыхнула и ответила с вызовом:

— Да, это я!

— В таком случае все в порядке. Дмитрий Евграфович примет вас. — Секретарша одарила нас профессиональной улыбкой и обернулась к открывшейся двери: — Вот, он как раз освободился.

Из кабинета вышел средних лет мужчина, задубевшая кожа и немного неестественный цвет лица которого явственно говорили, что он из экипажного состава и в космосе времени провел много больше, чем на шариках.

— До свидания, Елена! — кивнул мужчина секретарше и направился к лифту.

— До свидания, Петр Иванович! — Елена склонилась над селектором и пропела: — Дмитрий Евграфович, к вам Денисов и Рыжик.

— Запускайте, — прохрипел динамик.

Мы с рыжей язвой одновременно встали с кресел и протиснулись в дверь. На двоих она явно не была рассчитана, однако нам удалось проделать сей трюк без потерь: признать, я и сам не блистал габаритами. Сухой и жилистый, среднего роста, в свои двадцать четыре я больше походил на восемнадцатилетнего пацана-недокормыша. Ничего удивительного, в корпус Егерей других не брали. Это вам не Десант, мы на своих двоих ходим и в лесу должны быть как можно незаметнее. В принципе двухметровый детина тоже может попасть в Егеря, но ему придется несравнимо труднее.

Дмитрий Евграфович оказался добродушным на вид дядечкой лет пятидесяти. Он поприветствовал нас традиционным «здравствуйте» и жестом предложил присаживаться. Мы, не стовариваясь, упали в кресла по разные стороны гостевого стола, приставленного к хозяйскому буквой «Г».

— Ну что, молодые люди, приступим? — Дмитрий Евграфович окинул нас понимающим взглядом, но комменти-

ровать не стал. — Я так думаю, большая часть вопросов у вас совпадает. Позвольте, я сначала озвучу условия, потом вы уточните, если возникнет такая надобность.

Я кивнул. Галя Рыжик (дал же бог фамилию при такой внешности!) приняла позу отличницы, скрестив перед собой руки, и преданно уставилась на вербовщика.

— Итак, я представляю интересы государственной исследовательской компании «Внеземелье», — начал он издалека. — Как вы знаете, это филиал Службы Глубокого Поиска, который занимается исследованием уже открытых миров. На данный момент компания формирует экспедицию в Систему звезды HD 44594. Читали, наверно, в сетевых новостях — полгода назад туда добрался разведывательный рейдер и доставил маяк.

— Вы про Находку говорите? — уточнил я.

Дмитрий Евграфович сделал неопределенный жест:

— Это неофициальное название, но я именно ее имею в виду.

Да, об этом я слышал краем уха. Новый рейдер с экспериментальной системой навигации в первом же испытательном прыжке достиг планетной Системы в восьмидесяти трех световых годах от Солнца. Совершенно неожиданно там обнаружилась землеподобная планета, причем с весьма мягким климатом и умеренно агрессивными флорой и фауной. И что более важно, генетически совместимыми с земными организмами — а это означало, что люди совершенно спокойно смогут употреблять в пищу тамошние продукты, да и наши животные и растения будут чувствовать себя на планете вольготно. Было бы странно, если бы федеральные власти отказались от подобной находки, тем более сейчас, когда Федерация оправилась от Большой Войны и вновь возник вопрос перенаселенности Внутренних систем.

— Экспедиция намечается крупная, — продолжал между тем Дмитрий Евграфович. — В Систему отправляется автономный исследовательский комплекс «Да Винчи»...

— Постойте-постойте! — вклинился я в речь вербовщика. — Это вы про ту развалину, что на стационарной орбите у Болла крутится? Ей же больше ста лет, она сыпаться уже должна от старости.

— База законсервирована, техническое состояние признано удовлетворительным, — отрезал агент. — Или вы думали, что специально для вас за полгода новую построят?

Тут он прав. Дальних экспедиций уже больше века не было, во Внутренних системах работы хватало, а там такая техника без надобности. А в военное время все верфи усиленно клепали боевые корабли. Так что дай бог в ближайшие два-три года хотя бы одну приспособят для сборки столь специфических громадин. Поэтому командование пошло по пути наименьшего сопротивления: расконсервировали старую развалюху, подлатали, навигационное оборудование обновили, и готово.

— Экипаж уже укомплектован, технических специалистов тоже набрали, — сообщил Дмитрий Евграфович. — Обеспечение безопасности лежит на третьем батальоне второго полка корпуса Егерей. Вы, Олег Игоревич, с этими ребятами знакомы?

— Охотники, — хмыкнул я со знанием дела. — Непростая планета, видимо? Ребят из «двойки» рутинной не грузят.

— Подробных сведений у меня нет, — вздохнул с сожалением агент. — Если согласитесь работать с нами, непосредственное руководство введет вас в курс дела. Это детали. Экспедиция формируется на Болле, система Росс-614.

Я усмехнулся, отогнав воспоминания. Хорошая планета Болл, я там год проторчал, пока с Петровичем контакт налаживал. Да и раньше бывал, на практиках, это еще в бытность свою в академии. Очень любопытная экосистема на шарике, у Егерей там два десятка полигонов с разнообразными условиями. Жить там не очень весело, но местные пообвыклись и уезжать не спешат.

— Вы, Галина...

— Юрьевна.

— Вы, Галина Юрьевна, претендуете на место младшего научного сотрудника биологической лаборатории профессора Накамуры. — Агент пробежался взглядом по какой-то распечатке. — В принципе доктор дал добро на контакт с вами. Его весьма впечатлили ваши успехи на научном поприще. Он сказал буквально следующее: ваша работа выглядит перспективной, и он будет рад помочь и с удовольст-

вием выступит вторым научным руководителем. Профессор Новиков не возражает, мы с ним уже разговаривали. Осталось получить ваше согласие.

— Я согласна, — еле слышно пробормотала девушка и в очередной раз очаровательно покраснела.

Ах ты моя скромняшка! Вот ей-богу, если не будешь стерву включать, приударю за тобой.

— Теперь вы, молодой человек. В составе экспедиции уже есть двое Егерей-индивидуалов, однако руководство выказало желание привлечь хотя бы одного фелинолога. Пока что вы единственный доступный специалист такого класса. Уровень вашей подготовки, равно как и вашего партнера, работодателя устраивает. Осталось получить ваше согласие.

В принципе тут и думать нечего. Перед визитом в «Космос-Плюс» я изучил сайты всех более-менее крупных сетевых кадровых агентств, но на данный момент все вакансии представляли собой именно что рутину, какую я неминуемо заполучу через две недели в приказном порядке. Так что подвернувшийся шанс грех упускать.

— Я согласен.

— Замечательно, — расплылся в довольной улыбке Дмитрий Евграфович. — Сейчас мы с вами составим контракты, юридически оформим, и вы будете считаться официально зачисленными в состав экспедиции. И тогда останется лишь одна формальность — добраться до системы Росс-614. К сожалению, последний корабль компании покинул Солнечную систему двое суток назад, так что вам придется добираться рейсовым лайнером. Советую не откладывать покупку билетов на потом. Впрочем, могу предложить билеты на завтрашний рейс — лайнер «Саратога» стартует с орбиты в двадцать ноль-ноль по Гринвичу. Челнок уходит из космопорта «Курумоч».

— А в чем подвох? — заинтересовался я.

Уж больно мне выражение лица агента не понравилось.

— Лететь придется в двухместном номере. Других билетов, к сожалению, предложить не могу, эти-то с трудом удалось забронировать. Можете, конечно, поискать другой

рейс, но учтите, что на Болл нужно прибыть не позднее чем через шестеро суток.

— Я буду искать другой билет, — буркнула Галя, зыркнув на меня исподлобья. — Не желаю делить с этим хамом каюту несколько дней.

— Собственно, возразить нечего, — хмыкнул я. — Попробую выкрутиться.

— Ну, как знаете, — развел руками Дмитрий Евграфович. — Бронь до пяти вечера, так что поторопитесь.

Самара, 26 июля 2537 года, день

Дмитрий Евграфович как в воду глядел — других билетов и впрямь не нашлось. Один дорогуший люкс на «Эскалейде» — суперлайнере, обслуживающем «золотой треугольник» Внутренних систем, — прямо из-под носа увел какой-то мажор, остальные же предложения не устроили меня из-за сроков: минимальное опоздание составляло трое суток. Пришлось скрепя сердце отзваниваться агенту и принимать его предложение. Тот понимающе ухмыльнулся, выслушав мое признание, и посоветовал собирать вещи. В заключение пообещал прислать глайдер за два часа до отправления и отключился.

Нищему собраться — только подпоясаться. Весь мой скарб легко уместился в средних размеров чемодане: по ввевшейся привычке я лишними вещами себя не обременял, предпочитая обзаводиться одеждой на месте, а излишки отправлять в утилизатор. Лишь мыльно-рыльные принадлежности с собой возил да коннектор — нечто вроде ажурной короны с блямбами усилителей на висках. Эта приبلуда уникальная, почти год ее настраивали с Петровичем. Столь же уникальным был и комплектный КПК в виде браслета — не в плане «железа», а в плане «софта» — он обеспечивал подключение коннектора к любому подходящему вычислителю. Впрочем, архивные копии программ имелись в защищенном сетевом хранилище, однако утрата оригиналов сулила нешуточный бюрократический геморрой. Посему беречь оборудование приходилось как зеницу ока, особенно в последний месяц: я поленился снимать

ячейку в банке, да и толком не знал, где окажусь в конце от- пуска, так что в отелях селился в номерах с сейфами.

Упаковав компактный кейс с оборудованием в чемодан, туда же отправил несколько смен белья, пару футболок, джинсы и кеды: перелет три дня, нужно будет в чем-то по кораблю ходить. По прибытии на основное место службы обзаведусь положенными комплектами формы, и можно будет от излишков избавиться. Костюм от «Shelby's» сохра- ню — слишком дорогое удовольствие, чтобы его утилиза- тору скармливать. Прямо в нем и отправлюсь в космопорт, шикану напоследок. Так же решил поступить и с консерва- тивного вида полуботинками из натуральной кожи. Пускай будет выходной костюм: автономный исследовательский комплекс — это целый космический город со всеми сопут- ствующими атрибутами, включая увеселительные заведе- ния. Чем черт не шутит, вдруг придется «выйти в свет». Вто- рой, повседневный, комп-планшетник упаковывать покуда не стал. Нужно будет вечером еще по Сети пошарить в по- исках доступной информации.

Из предметов первой необходимости остались лишь Петровичев контейнер — стандартная прибрлуда для пере- возки домашних любимцев да запас копченых кальмаров в нарезке. Ума не приложу, что он в них нашел, но эти струж- ки неопределенного вкуса проходили у моего напарника в графе «лакомство». Да, еще спецшампунь: шерсть у охотни- чьего кота особенная, на вид и на ощупь мягкая и шелкови- стая, однако густая до такой степени, что держит практиче- ски любой удар. Когти с нее соскальзывают, равно как и зубы, поэтому Петровича поцарапать, порезать или нанести ему иное повреждение верхних покровов практически не- реально. Опасны лишь переломы да компрессионные трав- мы, но даже кинетическое воздействие шерсть значительно демпфирует. Плюс ко всему кончики волосков способны менять цвет, как шкура у хамелеона, так что Петрович ры- жий лишь в домашней обстановке. Во всех остальных слу- чаях он подстраивается под окружающий пейзаж, причем совершенно автоматически — с молодых ногтей приучен.

Покончив со сборами, я отправился в санаторскую сто- ловую, а после залез в Сеть, где и просидел остаток дня.

Можно было, конечно, с Машей попробовать помириться, но желания такого я не испытывал, а Петрович не настаивал, хоть и послужил причиной раздора. Этот гад, когда я сообщил ему последние новости, решил напоследок оттянуться и сбежал из номера уже знакомым способом — через окно. На шестой этаж ему было плевать: с его когтями спуститься по шероховатому пенобетону труда не составляло. Даже от пайки из столовки отказался — до того торопился на прощальное свидание. Или свидания, учитывая его любвеобильность.

Космопорт «Курумоч», 27 июля 2537 года, вечер

Обещанный глайдер прибыл вовремя, я как раз успел сдать номер строгой консьержке и перетащить пожитки к подъезду. Верткая машина сине-белой корпоративной окраски приземлилась буквально у моих ног, багажник приветливо распахнулся, и мне осталось лишь закинуть туда чемодан. В щегольском костюме и с клеткой кота в руках я чувствовал себя немного скованно, но водила оказалась парнем бывалым — и не такое видывал, особенно когда готовых клиентов с гулянок развозил. Я кое-как втиснулся на заднее сиденье, пристроил напарника рядом, послав ему успокаивающий мысленный импульс. Тот в ответ нарисовал умильного котенка, скребущего лапой закрытую дверь, но я оставил нытье без внимания: все равно до космопорта добираться как-то надо, и глайдер не самый плохой вариант. Водила понимающе ухмыльнулся и рванул с места в карьер, резко набрав высоту. Желудок стремительно ухнул в район пяток, но вскоре от неприятных ощущений не осталось и следа — я отдался упоительному чувству полета. Петрович беспокойно метался по клетке и утробно подвывал: он с младенчества не любил две вещи — летать и мыться.

Против ожидания водила направил глайдер к видневшимся вдалеке свечкам небоскребов, хотя я был уверен, что нам в другую сторону. Однако спорить не стал, мало ли какие у него резоны.

— Еще одного пассажира заберем, — пояснил он через некоторое время, не вдаваясь в подробности.

Пунктом назначения оказался давешний офисный

центр, вернее, его крыша с шикарным пентхаусом и вертолетной площадкой. И знаете, я ничуть не удивился, когда из стеклянных дверей показалась Галя Рыжик. Сопровождал ее сам Дмитрий Евграфович, нагруженный парой увесистых баулов.

— Добрый вечер! — поздоровался я сразу с обоими, но наглая девчонка жест доброй воли с моей стороны проигнорировала.

— Добрый, — пропыхтел Дмитрий Евграфович, сваливая сумки в багажник. — И счастливого пути! Надеюсь, путешествие будет приятным.

Девушка, всем своим видом показывая, что очень в этом сомневается, устроилась на переднем сиденье. Водила галантно захлопнул дверцу и, что называется, поддал газку. Вертолетная площадка ухнула вниз, и глайдер заложил крутой вираж, выходя на курс. Галя фыркнула, оценив манеру пилотажа водилы, и тут же сморщила нос, подозрительно уставившись на клетку.

— Только не говорите, что у вас там кот! — прогнусавила она и чихнула.

Блин, только этого нам не хватало! Неужели в наш век всесильной медицины она страдает аллергией? И на кого — на кошек! Не могла на чем-нибудь попроще остановиться, на пыли там или тополином пухе...

— Апчхи!!! У бас дам дочно кот! — Девушка со страдальческим видом извлекла из сумочки влажную салфетку и принялась промокать слезящиеся глаза. Правда, помогло это мало, а тут еще и нос начал предательски хлюпать. — Ну как же так! А-а-апчхи!!! Дасморк еще! Нет, я так не могу! Знала бы я, что у вас кот, ни за что бы не согласилась ехать вместе!

— Дмитрий Евграфович говорил ведь, что я фелинолог, — попытался я разделить ответственность с вербовщиком. — А почему вы не сказали, что у вас на кошек аллергия?

— Да откуда я могла знать, что фелинолог — это с котами связано? — сделала большие глаза Галя. С учетом покраснения и непрерывно катящихся слез видок у нее был еще тот. — Хотя подозревала, были ассоциации с кинологами. Апчхи!

Хочешь не хочешь, а с каютой придется как-то решать вопрос. Трое суток в одном помещении с нами она однозначно не выдержит. Но и Петровича сдавать в багаж я не собираюсь. Весь оставшийся до космопорта путь девушка тихо страдала, то и дело утирая слезы и чихая, а я по мере сил боролся с чувством вины. В конце концов, не выбрасывать же Петровича из глайдера? Могла бы и предупредить...

Когда летательный аппарат аккуратно примостился у пассажирского терминала и водила разблокировал дверцы, Галя пулей вылетела из салона. Самолично нырнула в багажник и с некоторым трудом поволокла баулы к стойке регистратора. Долго она там не задержалась — буквально через пару минут гордо прошествовала в посадочную зону. Глаза у нее слезиться почти перестали, но нос все еще предательски хлюпал.

Я извлек чемодан на свет божий, подхватил клетку с Петровичем и попрощался с водилой. Тот незамедлительно прыгнул в глайдер и умчался куда-то вдаль, причем маневрировал куда аккуратнее, чем в санатории, — видимо, диспетчеры космопорта воздушного хулиганства не поощряли.

Я вздохнул тяжело, однако времени решил не терять — от сложного разговора все равно не отвертеться. Остановившись у стойки, я пристроил клетку на пол и улыбнулся милостливой девушке-оператору:

— Добрый день! У меня возникли кое-какие сложности, вы не могли бы мне помочь?

— Здравствуйте! — профессионально скрыв озабоченность, отозвалась та. — Постараюсь сделать все, что в моих силах.

— У меня билет на «Саратогу», восьмичасовой рейс. Я хотел бы поменять каюту, желательно на одноместную.

— Все каюты заняты, — немедленно отреагировала операторша, стрельнув глазами на скрытый от меня монитор. — Извините, ничем помочь не могу.

— Понимаете, это не прихоть, — вздохнул я. — Помните девушку, которая прямо передо мной регистрировалась? Так вот, мы летим с ней в одной каюте. Со мной питомец, а

у нее тяжелейшая аллергия на кошек. Думаю, лучше разрешить ситуацию сейчас, чтобы на старте не было неожиданностей.

— Вообще-то вы должны перевозить животное в специальном контейнере в специально оснащённом помещении. На «Саратоге» такой отсек есть, — недоуменно посмотрела на меня собеседница.

Вместо ответа я извлек из кармана Петровичев идентификатор. Девушка воткнула пластиковый прямоугольник в щель сканера, потратила несколько минут на чтение и без возражений взялась за инфор:

— Диспетчерская? Срочно пришлите квартирмейстера с «Саратоги», возникла проблема с размещением специфических пассажиров.

Что ей ответили, я не расслышал, но девушка поспешила меня успокоить:

— Подождите несколько минут, сейчас подойдет лейтенант Бернс и что-нибудь вам посоветует.

Упомянутый лейтенант явился удивительно быстро. Выслушал мои объяснения, поглазёл на Петровича и глубоко задумался. Результатом интенсивной мыслительной деятельности делиться не спешил, взвешивая все «за» и «против», но в конце концов решение предложил:

— Уважаемый Олег Игоревич, во-первых, я от лица команды лайнера «Саратога» приношу вам извинения за доставленные неудобства. Во-вторых, с прискорбием должен сообщить, что свободных мест нет. Я могу попытаться договориться с кем-нибудь из пассажиров о замене, но на это нужно время. Придется вам часть пути делить жилище с госпожой Рыжик.

— Вообще, мне это особых неудобств не доставит, — немного покривил я душой. Ладно, с собственной совестью как-нибудь договорюсь. — Только, боюсь, госпожа Рыжик мириться с таким положением дел не будет. Насколько я ее успел узнать, она устроит грандиозный скандал. И я бы на месте ваших менеджеров уже начал готовиться к судебному разбирательству.

— Думаете, госпожа Рыжик настолько стерва? — задум

мался Бернс. — В принципе есть еще вариант. Но он сопряжен с некоторыми для вас неудобствами.

Я вопросительно заломил бровь.

— Понимаете, свободных пассажирских кают у нас нет, — зачастил лейтенант, — зато пустует несколько матросских кубриков. Но, сами понимаете, они расположены на другом уровне корабля, добираться оттуда до столовой и прочих заведений очень неудобно.

— Плевать! — зацепился я за предложение. — Неужели вы думаете, что меня, профессионального Егеря, испугают такие мелочи? Удобства в кубрике имеются?

— Конечно! — слегка оскорбился за родную посудину лейтенант. — У нас новейший лайнер. Кубрик четырехместный, но вы будете там жить один. То есть с котом конечно же. Компания возместит вам ущерб за счет снижения стоимости перелета.

— Да забудьте, — отмахнулся я. — Главное, вы мне пропуск выправьте, чтобы не пришлось на проходной каждый раз объясняться.

— Само собой! — Довольный Бернс пожал мне руку в знак договоренности и двинулся на посадку.

Я возражать против такого развития событий не стал, подхватил пожитки с Петровичем и поспешил за провожаемым. Честно говоря, от встречи с лейтенантом я даже выиграл — не пришлось толпиться в посадочной зоне. Бернс приехал на электрокаре, так что до челнока докатили с ветерком. Слегка растрепанная Галя уже заняла место в салоне, и я постарался устроиться как можно дальше от нее, дабы не спровоцировать рецидив аллергической реакции. Эк завернул! Кстати, тревожный звоночек: столь велеречивым я обычно становлюсь, если мне барышня реально нравится. Чур меня, чур меня! Не хватало еще с этой рыжей язвой связаться.

До старта оставалось еще почти полчаса, поэтому я не отказал себе в удовольствии употребить «соточку» коньяка, весьма кстати предложенного стюардессой. Последовавшие процедуры предполетной подготовки, разгон и маневрирование на околоземной орбите пролетели удивительно быстро — я незаметно для себя задремал, утомленный се-

годняшней суетой. После стыковки с лайнером на выходе из шлюза меня перехватил лейтенант Бернс и увлек к служебным лифтам. Я успел заметить недоуменный взгляд, которым меня проводила Галя, но сразу выбросил ее из головы: размещение на новом месте дело серьезное, даже если обитать в нем предстоит всего трое суток.

Лайнер «Саратога», 27 июля 2537 года, вечер

Еще через пару часов, когда лайнер закончил разгон и лег на курс к точке перехода, я отправился на разведку. Лейтенант Бернс по секрету проболтался, что прыжок планируется через тридцать часов, когда по корабельному времени будет глубокая ночь, поэтому для большинства пассажиров он останется незамеченным. А покуда вполне можно сходить в одно из увеселительных заведений, расположенных на третьей палубе. Список прилагался и весьма впечатлял: «Саратога» — лайнер крупный, почти две тысячи пассажиров берет, и всей этой ораве как-то нужно убивать в полете время. Это нам с коллегой хорошо — один прыжок, всего трое суток. А некоторые деятели и до конечной летят, а это пять систем, итого больше двух недель. Посему в развлекательном комплексе было все необходимое — начиная с уютных кафешек и заканчивая шикарными ресторанами и кабаре. Спортивные объекты тоже имелись в ассортименте.

До третьей палубы пришлось добираться на лифте, миновав проходную: без надобности персонал старался в пассажирских отсеках не показываться, за чем следили специально обученные люди. Ко мне у них вопросов не возникло, и я благополучно выбрался на местный Бродвей. Петровича скрепя сердце оставил в кубрике — нечего ему по кораблю шастать, людей пугать. Не мудрствуя лукаво свернул в первое попавшееся заведение — им оказалось уютное автоматизированное кафе с уклоном в европейскую кухню. Заказал ужин, легко справившись с совестью, поскольку Петрович получил свою порцию стружки кальмара и целую банку корма. Тот еще деликатес, если подумать, но ему полезно — от человеческой еды для него проку мало, так, полакомиться. А за этим дело не станет — специально для него что-ни-

будь прихвачу. Едва я принялся за шницель в сливочно-грибном соусе, как заверещал инфор на руке. Я недовольно покосился на дисплей и ответил на вызов:

— Галя? Вы что-то хотели?

— Ой, а вы где? — прошебетала девушка на том конце провода. — Я вас найти никак не могу...

— А вам зачем? — хмыкнул я.

— Поблагодарить хочу, — рассмеялась Галя. — Вы мой герой! Как вы умудрились себе каюту выбить? Откроете секрет?

— Не-а, это ноу-хау, которым я собираюсь торговать. — Я окинул взглядом внутренности кафешки, зацепился за меню. — Я в кафе «Европа», это на третьей палубе.

— Ой, да я рядом совсем! — обрадовалась девушка и отключилась.

Через несколько минут она стремительно ворвалась в зал и рухнула в кресло напротив меня. Огляделась в поисках Петровича и скорчила разочарованную гримаску:

— А где ваш питомец? Я хотела с ним поближе познакомиться.

— В кубрике запер, чтоб не набедокурил чего, — пояснил я, передавая девушке меню. — Будете заказывать?

— Если только десерт, — отмахнулась она. — Волнуюсь что-то, на сладкое тянет.

— Первый раз в космосе?

— Ага. — Галя сдула непослушную рыжую прядку и осведомилась: — А что, так заметно?

— Нет, просто у меня интуиция развита. — Я вернулся к шницелю и некоторое время сосредоточенно жевал. Немного невежливо, но я вообще-то сюда именно пожрать пришел, а не на свидание. — Вина?

— Давайте. Только выбирайте сами, я в этом не разбираюсь.

Я пробежался пальцами по сенсорному дисплею меню.

— Сейчас будет. А вы действительно раньше никогда не летали?

— Не-а, — улыбнулась девушка. — Сама поражаюсь, за двадцать с лишним лет даже на Луну не выбралась. Наука, что вы хотите.

— А вы непохожи на фаната биологии, — хмыкнул я. — У меня слово «ученый» совершенно с другим типажом ассоциируется. Я бы вас скорее за мелкого клерка принял.

— Сомнительный комплимент, — укоризненно покачала головой Галя. — Впрочем, про вас бы я тоже не подумала, что вы супермен.

— Да боже упаси! — махнул я рукой. — Наша работа суперменства не поощряет. У нас прежде всего думать надо и очень много ходить.

— А как же романтика?

Я помотал головой, задумчиво уставившись на киберофицианта. Тот как раз доставил заказанное вино и пару фужеров.

— Можно подумать, у вас много романтики. — Я заглянул девушке в глаза, уловил в них веселых чертиков и решил: — Предлагаю тост: во-первых, за знакомство с красивой девушкой, во-вторых, за дружбу и, в-третьих, за удачу!

— Поддерживаю! — Галя легонько звякнула своим фужером о тонкую ножку моей емкости и пригубила вино. — Вы действительно считаете, что я красивая?

— Несомненно! — сделал я честные глаза. — Правда, вы мне сначала показались слегка стервозной.

— Не в бровь, а в глаз! — рассмеялась девушка. — Именно за это меня мужчины не любят. А еще за то, что я умнее многих из них.

Блажен, кто верует. Хотя вполне может быть — не зря же ее в штат экспедиции взяли, да еще какой-то профессор Накамура лично. Собственно, на профессора плевать с высокой колокольни, а вот с Галиной вполне можно было бы завести более тесное знакомство. Очень приятная девушка, а с характером потом разберемся.

— А давайте на «ты»? — предложила вдруг Галя, опередив меня буквально на мгновение.

— Это нужно понимать как предложение мира? — выгнул я бровь.

— Полного и безоговорочного! — подтвердила девушка. — Осознала вину и раскаялась. На брудершафт пить будем?

— Оставь эти пошлости. — Я отсалютовал собеседнице фужером. — За тебя!

— Спасибо. Может, все-таки расскажешь, как каюту выбил?

— Это все Петрович, — перевел я стрелки на напарника. — Он у меня очень важная персона.

— Издеваешься? — надула губки Галя.

— Серьезно. Петрович — охотничий кот. А я Егерь-фелинолог.

— А я биолог-исследователь, — хмыкнула девушка. — Зоолог, изучаю эукариотические организмы. В частности, физиологию и анатомию животных.

— Уела! — поднял я руки в жесте «сдаюсь». — Ладно, буду объяснять по пунктам.

Галя приняла уже знакомую мне позу прилежной ученицы и обратилась в слух.

— Охотничий егерский кот — это специально выведенная генно-модифицированная порода, — начал я издали.

— Генная инженерия запрещена, — немедленно сделала строгое лицо девушка.

— Это сейчас, — отмахнулся я. — А сто пятьдесят лет назад она была обычным явлением вплоть до моратория триста восьмидесятого года. Ну это когда андроиды взбунтовались на Каллисто. Короче, не важно. Петрович — особенное животное. Для фелинолога его охотничий кот больше чем просто питомец и даже больше чем друг. Кот — вторая половина. Понимаешь, у нас с ним ментальная связь, мы можем напрямую обмениваться мыслеобразами. А если еще коннектор подключить, который образы конвертирует в осмысленные фразы, вообще общаться можем без проблем. Уровень интеллекта у него соответствует пятилетнему ребенку, разве что абстрактное мышление очень слабо развито.

— Ты разговариваешь с котом? — По лицу девушки было видно, что она не очень-то и поверила в мои рассказы.

— Не разговариваю, — поморщился я. — Он слов не понимает, животное все же. Я посылаю ему мысленные образы, для него понятные. А он посылает образы мне. Когда общаемся напрямую, приходится картинки расшифровы-

вать. Когда подключен коннектор, он автоматически преобразует образы Петровича в понятные мне слова, а мои слова — в образы для кота. Понятно, что это возможно лишь для определенного набора таких картинок, короче, как словарь. Если возникает какое-то новое понятие, коннектор его не преобразует, а передает именно образ, который я расшифровываю самостоятельно. Потом он автоматически заносится в базу данных. Так и живем. Мы с Петровичем целый год просидели на егерском полигоне, пока словарь составляли и притирались друг к другу.

— Как интересно! — восхитилась Галина. — А почему я об этом никогда не слышала?

— А тебе и не положено, — пожал я плечами. — Фелинологов очень мало, всего пара сотен на весь корпус Егерей. Мало у кого из людей имеются врожденные предпосылки, а искусственно их развить и вовсе не реально, если способностей нет.

— Но почему именно коты?

— Потому что, — хмыкнул я и повторно наполнил бокалы. — Давай, за удачу!

Девушка тост поддержала, но скорее из любопытства, — видимо, поняла, что я должен обдумать речь. Между прочим, информация не для свободного распространения, как бы не выйти за рамки.

— Из всех домашних животных у кошек наиболее сильные способности к телепатии, — продолжил я. — Этот факт сыграл решающую роль в выборе. Оставалось лишь усилить их и приспособить этот довольно слабый вид к неблагоприятным условиям. Генетикам это удалось. Заодно они развили интеллект кошек и усилили их в физическом плане. Видела Петровича?

— Нет, мне хватило одного его присутствия, — потупилась девушка. — А потом глаза заслезились.

— Так вот, сибирская порода и так одна из самых крупных, но их еще увеличили. Охотничий кот лишь немногим мельче средней собаки, однако гораздо более вынослив. Может в сутки пройти до пятидесяти километров без последствий для здоровья. Плюс шерсть у него очень плотная и упругая — держит удар когтями и сопротивляется зубам.

Короткошерстные породы не подходят, селекция проводилась у сибиряков, персов и шотландских хайлендеров. К тому же такой кот может менять окрас — совершенно неосознанно, он просто сливается с окружающей средой, когда охотится. В обычное время окрас у него постоянный, мой Петрович, например, рыжий.

— Но ведь у собак нюх лучше, логично было бы их для охоты использовать? — удивилась Галя.

— Нет, это заблуждение. Кошки — идеальные хищники. У них хорошее зрение, особенно ночное, острый слух и достаточно чувствительный нюх. Плюс они очень чистоплотные — предпочитают растворяться в окружающих запахах, поэтому свой тщательно уничтожают. Заметила, что кошки постоянно вылизываются? А для Внеземелья это очень хорошо: на любой чужой планете новый запах выделяется очень сильно. Собака только моментально выдала бы себя.

— Век живи — век учишься! — хмыкнула девушка. — Можно я с Петровичем как-нибудь пообщаюсь?

— У тебя же аллергия.

— Переживу, на крайний случай фильтры в нос вставлю.

— Почему нет? — не стал возражать я. — Приходи в гости. Хотя это вряд ли, тебя на техническую палубу не пустят. Лучше мы к тебе.

— Хорошо. А почему его нельзя в спецотсеке перевозить?

— Перевозить можно, только это отрицательно сказывается на его психике, — пояснил я. — Все-таки Петрович уже не просто животное, он мыслящее существо, и оказаться запертым в компании бессловесных тварей для него нешуточный стресс. Можно, конечно, общаться и на расстоянии, но контакт будет слабый. Его это явно не устроит. А в момент прыжка ему лучше всего находиться в непосредственной близости от меня, иначе может «настройка» сбиться, и придется нам еще год на полигоне торчать. Это в лучшем случае. В худшем — связь разорвется навсегда, и кот элементарно сойдет с ума.

— Но почему?

— Потому что он связан только со мной. Партнера помянуть не получится. Пары подбираются очень тщательно, с

учетом множества параметров, потом долго притираются друг к другу и работают вместе пожизненно. Именно поэтому Петрович — кот. С кошкой я бы не смог наладить полноценный контакт, ментальность разная. Даже если бы и наладил, то скоро бы шизофреником стал: каково, по-твоему, мужику делить собственный мозг с особью женского пола, обладающей интеллектом и непосредственностью ребенка, но с вполне взрослыми желаниями? Тут иногда на Петровича такое находит, что с трудом верится. Он пошляк еще тот, и весьма активный в этом отношении.

— Но ведь кошки недолго живут... У егеря стресс жуткий случается после потери партнера?

— Очень редко, если только кот внезапно гибнет, — покачал я головой. — Это самый неблагоприятный исход. Егерю тогда приходится долго в клинике торчать, пока доктора мозги в порядок не приведут. А вообще охотничьи коты живут около сорока лет, из них порядка тридцати — период активности. Мы с Петровичем уже три года работаем и на пенсию выйдем вместе — я лет в пятьдесят, он соответственно в тридцать с гаком. Опять же без реабилитации никак не обойтись. Но такова наша судьба, и оно того стоит.

— Как все сложно, — вздохнула Галя. — Хотя жутко интересно. А почему у твоего кота имя такое странное?

— Ничего не странное, — вступился я за питомца. — Это сокращение. Он все-таки породистый и по документам числится как Василий Иоганн Петровский Распадок, причем Петровский Распадок — это питомник, откуда он родом. Однако выговаривать это — язык сломаешь. Василий — слишком банально, Иоганн вообще ни в какие ворота не лезет. Вот и прижился Петрович. Ему нравится, и мне удобно. Кстати, странно, почему у тебя на него аллергия — сибиряки ее как раз не вызывают. Может, это у тебя просто условная реакция на любую кошку?

— Ага, у меня психогенная аллергия — чисто психологической природы, — подтвердила девушка. — Поэтому и вылечить не могут, куда уже только не обращалась.

Вот теперь все понятно. Тут способ избавления ровно один — побольше общаться с кошками, и постепенно от аллергии не останется и следа. Был у нас в учебке один паре-

нек с такой же проблемой. За полтора месяца вылечился, пока на волну кота настраивался. Потом стали не разлей вода.

— Может, еще куда-нибудь заглянем? — предложил я, убедившись, что бутылка опустела. — В кино, например?

— Не тянет что-то, — мотнула головой Галя. — Хотя идея хорошая — пойдем, может, и найдем что подходящее.

*Система Росс-614, планета Болл,
космопорт «Диптаун»,
30 июля 2537 года, день*

— Господин Денисов? — Вертлявый коротышка средних лет перехватил нас на входе в пассажирский терминал, я даже толком не успел оглядеться.

— Допустим, — кивнул я, без особого энтузиазма пожимая пухлую ладошку. — С кем имею честь?

— Егоров Викентий Федорович, младший научный сотрудник биологической лаборатории профессора Накамуры, — отрекомендовался мужчина. — Шеф просил вас встретить. А вы, я так понимаю, госпожа Рыжик, наш новый специалист-зоолог? Весьма польщен.

Викентий Федорович галантно приложился губами к Галиному запястью, для чего повернулся к ней всем телом — шеи у него почти не было, зато имелось задорно торчащее пузо и обширная плешь. Любопытный типаж — этакий живчик плотной комплекции, рубаха-парень и душа компании. Причем с первых мгновений стало ясно, что он такой и есть на самом деле — ни капли притворства, открытый и приветливый. До назойливости. Ладно, переживем. Уж лучше надоедливый записной весельчак, чем скрытная сволочь в маске шута. Самое главное, такие люди обычно не злопамятны, легко идут на контакт и в общении ненапряжные. Можно и послать при случае, воспримет это как должное и через минуту забудет.

— А почему именно вы нас встречаете? — поинтересовался я на ходу, когда мы пересекли терминал и направились к ярко-желтому глайдеру. — Ладно Галя, коллега, можно сказать. А я вам зачем? До кучи?

— А вы еще не знаете? — изумился Викентий Федоро-

вич. — Вообще-то мы все коллеги. Вы зачислены в штат биологической лаборатории. Будете обеспечивать безопасность полевых выходов и добывать образцы.

За-ши-бись, как говорится.

— Значит, мы будем работать вместе? — дошло наконец до Гали. — Как хорошо! Видеться будем часто.

Блин, мне бы твои заботы! Вот чего угодно ожидал, только не того, что придется работать нянькой при биологах. Обеспечивать безопасность полевых выходов! Ха, ха и еще раз ха! Это работа для ребят из батальона, а не для уникального, не побоюсь этого слова, специалиста. Похоже, фелинолога привлекли по прихоти неведомого профессора Накамуры. Тому, видимо, показалось, что будет очень круто иметь в составе лаборатории представителя столь редкой профессии. И по фигу, что молодые ученые страдают избытком энтузиазма, а потому склонны влипнуть во всеческие неприятности. И уследить за ними просто нереально: такие вот Гали Рыжики без всякого злого умысла умудряются влезать в такую задницу, что диву даешься. И потом искренне недоумевают: а что такого? Живы же все, чего орать-то?! Блин!

— Пристегивайтесь, ребята, — напомнил Егоров, устроившись на водительском месте. — Полетим с ветерком. Вы немного припоздали, челнок из-за вас пришлось задержать. Так что сейчас летим на военный космодром, а оттуда сразу на «мамку». Старт через шесть часов.

— Я думал, у нас еще пара суток в запасе, — хмыкнул я недоуменно.

— Все переиграли в последний момент, — махнул рукой Егоров. — У двигателей какие-то заморочки начались, они настояли на ходовых испытаниях. Вот и решили раньше стартовать, чтобы в случае чего из графика не выбиться. База недавно с консервации, сами знаете, сто с лишним лет провисела на орбите, вот и сыплется все подряд.

Что ж, этого следовало ожидать. Когда нанимаешься на работу в последний момент, морально готовишься к гонке со временем. Так что я без возражений устроился на заднем сиденье, галантно уступив переднее Гале. Пристроил рядом клетку с Петровичем и послал ему образ разгромленной

квартиры — типичную картинку бардака, который остается после кошачьих игр. Напарник меня прекрасно понял и сочувственно мяукнул.

Викентий Федорович оказался лихачом почище приснопамятного таксиста: глайдер взял с места в карьер и в считанные мгновения набрал высоту в пару тысяч метров. На этом горизонте воздушное движение было слабым, и Егоров от души выжал гашетку, разогнав аппарат до максимально возможной скорости. Что характерно, воздушная полиция на его выкрутасы внимания не обратила: или полисмены уже привыкли к подобному, или, скорее всего, нам выделили безопасный коридор.

В общем, до обещанного космодрома добрались меньше чем за час. Неплохой результат, если учесть, что данный объект располагался в другом полушарии, на втором из материков этой не самой приветливой планеты. Климат местный нам с Петровичем прекрасно знаком, почитай во всех широтах Болла побывали во времена оны, потому обширной каменистой пустыне мы ничуть не удивились. Флотские расположили взлетно-посадочный комплекс в самом центре безжизненной равнины, дабы никому не мешать, а потому и сами не стеснялись: то и дело на горизонте с ревом взлетали челноки, расчерчивавшие темное небо яркими хвостами выхлопов. В Южном полушарии в этих широтах уже вечерело, так что зрелище было феерическое. Егоров по широкой дуге облетел стартовый комплекс и посадил глайдер около корпуса пассажирского терминала. От гражданских оное сооружение отличалось лишь предельным аскетизмом отделки да сугубо утилитарной направленностью.

На входе нас остановил было шкафоподобный марин, но Викентий Федорович проигнорировал требование пройти обычные процедуры типа сканирования и дезинфекции, сунув тому под нос пропуск. Шкаф моментально сдুলся и пропустил нас на территорию, даже в клетку не заглянул. Далее наш путь пролегал к стандартной капсуле монорельса, которая за считанные секунды добралась до челнока. На борту нас встретил молоденький мичман, проводил в пассажирский отсек, где мы с минимальными удобствами разместились в противоперегрузочных коконах, и отбыл по сво-

им делам, предупредив, что взлет через пятнадцать минут. Я закинул клетку в багажное отделение и разместил Петровича на коленях: он хоть и выносливый, но в перегрузке даже для него приятного мало. Ободряюще улыбнулся слегка побледневшей Гале, обхватил покрепче напарника и закрыл глаза. В нашем деле главное расслабиться и получать удовольствие.

Вскоре челнок едва заметно дернулся — сработал антигравитационный привод. Я неоднократно наблюдал взлет со стороны, поэтому прекрасно ориентировался в происходящем. Сейчас, например, невидимая рука приподняла тушу корабля на десяток метров над землей, и он медленно и величаво двинулся к стартовой зоне. Так что пока можно расслабиться. А вот повторный толчок возвещает о готовности к рывку: челнок замер над кратером взлетной площадки и прогревает дюзы. Я прижал кота к животу и начал обратный отсчет. Как всегда, немного не угадал: челнок окутался пламенем выхлопа и рванул ввысь на счет «четыре». Ослабленная коконом перегрузка вжала меня в кресло. Петрович недовольно взвыл, выдав образ забившегося в угол испуганного котенка, и я поспешил успокоить напарника картиной стартующего корабля. Кот сразу же угомонился: ему уже неоднократно приходилось участвовать в подобных приключениях. Просто военный транспорт не чета гражданскому, на удобство пассажиров флотским извергам плевать с высокой колокольни, вот и струхнул с непривычки.

Выход на орбиту, маневрирование в ближнем космосе и последующая стыковка с исследовательским комплексом заняли около двух часов, так что я со спокойной совестью задремал. Петрович последовал моему примеру. Проснулись мы лишь после того, как жизнерадостный Викентий Федорович потрепал меня за плечо. Галя сидела в противоперегрузочном коконе и вид имела напуганный — еще бы, второй старт, если считать убытие с Земли, и такое испытание для нервов. Я опять улыбнулся девушке и послал Петровичу незамысловатый образ. Тот мякнул одобритительно, рыжим мячиком скакнул на колени Галины и принялся с умильным видом вылизывать ей руку. Девушка было смор-

щилась, но пересилила себя и не чихнула. Почесала благодарно рыжего разбойника за ухом и решительно поднялась с кресла, уронив kota на палубу. Тот ничуть не обиделся и принялся тереться о Галину ногу.

— Добро пожаловать на базу «Да Винчи»! — торжественно провозгласил Викентий Федорович и не удержался от несколько театрального жеста.

*Система Росс-614,
исследовательская база «Да Винчи»,
30 июля 2537 года, вечер*

Оставшееся до старта время прошло в суете и заботах. Первым делом мы всей компанией добрались до жилой палубы номер семь: именно здесь по штатному расписанию разместили персонал лаборатории профессора Накамуры. Я надеялся, что квартироваться буду в более привычной обстановке, вместе с остальными Егерями или хотя бы с ребятами из батальона, но у руководства на этот счет было другое мнение. Викентий Федорович проводил нас с Галей до самого блока, в котором, вопреки традициям, оказалось всего четыре каюты — вот она, довоенная роскошь! Хотя мне это даже нравится, ближайšie две недели поживем как люди. Тем более что оставшиеся две каюты пустовали: материнский корабль комплекса мог нести до пяти тысяч пассажиров, в то время как состав экспедиции едва превышал две с половиной. Мне это по секрету сообщил Егоров, когда я удивился такому расточительству. В общем, кают-компания и небольшой спортзал с мини-бассейном оказались в полном нашем распоряжении, равно как и встроенная в душевую сауна.

Галя сразу же скрылась в своей каюте, а я не поленился обойти владения. Верный Петрович внимательно обнюхал все углы, фыркнул на бассейн с прохладной водой и похозяйски устроился в кресле посреди кают-компания.

— Дрыхнуть будешь? В добрый путь. — Я почесал напарника за ухом и отправился обживать собственную каюту.

Собственно, каютой назвать этот роскошный номер из двух комнат с санузлом и мини-кухней язык не поворачивался. Даже на самых комфортабельных пассажирских лай-

нерах подобные апартаменты не предусматривались. Сказались десятки лет строгой экономии: инженеры-проектировщики тоже люди, жили они в таких же условиях, что и подавляющее большинство граждан Федерации, вот и выходили у них курятники с клетушками. Правда, последние лет десять эту тенденцию ведущие кораблестроители начали преодолевать, но полностью избавиться от наследия тяжелых лет удастся еще не скоро. Плюхнувшись на диван, я щелкнул «лентяйкой» и убедился, что столетнего возраста информсистема, встроенная прямо в стену, сохранилась прекрасно: незамедлительно зажегся экран двухметровой диагонали, на котором высветилась заставка внутренней сети корабля. Умели предки электронику делать, завидно даже. Пульт был слегка архаичного дизайнера, сейчас таких уже не найдешь, да и четкость изображения оставляла желать лучшего, а в остальном очень даже ничего. Печально было бы, если бы вся эта роскошь не сохранилась, вряд ли щедрость флотского начальства позволила бы заменить вспомогательное оборудование в жилых боксах. Мебель новая, сразу видно — ее явно недостаточно на такую площадь. Диван, кресло, письменный стол. В спальне кровать с противоперегрузочным модулем и шкаф-купе. Необходимый минимум, как говорится. К немалому своему удивлению, в шкафу я обнаружил три комплекта егерской формы и привычные ботинки. Одна из полок была забита упаковками с бельем, здесь же нашлись мыльно-рыльные принадлежности. Неведомые интенданты не забыли даже про спортивный костюм и легкие кроссовки. Разместив в шкафу собственный багаж, наткнулся на очень нужную вещь — специальный ранец для переноски кота. Хмыкнул удивленно, сделав зарубку на память — познакомиться со снабженцем. Видать, предусмотрительный мужик, может полезным оказаться.

Поразмыслив, в общий душ я решил пока не ходить — ограничился кабинкой в санузле. Освежившись, влез в новенький мундир цвета хаки, примерил ботинки — в самый раз, разношивать не придется, нахлобучил пилотку и выбрался в кают-компанию. Здесь я совершенно неожиданно наткнулся на Галю — та воевала со старинным баром, безу-

спешно пытаюсь добыть из специального отделения кубики льда. Девушка была настолько поглощена этим занятием, что вовсе не обратила на мое появление внимания. Именно этим можно было объяснить столь странную реакцию — любая другая давно бы уже попыталась скрыться или хотя бы прикрыться чем-нибудь. Видимо, Галину жажда начала мучить в процессе приема ванны, и она отправилась за питьем, накинув сверхкороткий халатик, практически ничего не скрывавший. А зрелище завораживающее, должен признать. Особенно с учетом позы. Подавив острое желание завалить девушку на пол и овладеть ею в характерной позиции, я показал Петровичу кулак и деликатно кашлянул. Галя выронила изящный ледоруб, взвизгнула и попыталась одновременно одернуть халатик в попытке хоть немного прикрыться и сделать непроницаемое лицо. Удалось ей это, прямо скажем, не очень. Я вежливо отвел взгляд, и девушка скрылась за дверью каюты, мелькнув напоследок почти всеми прелестями — полы халатика «одно название» взметнулись от стремительного движения.

— А соседка у нас очень даже ничего, — задумчиво пробормотал я, опустившись в занятое Петровичем кресло. — Видел, какая попка?

Кот согласно заурчал и выдал совсем уж непристойную картинку.

— Но-но-но! — хмыкнул я, почесывая питомца за ухом. — Потихе на поворотах. Это ты у нас реактивный, а мне спешить некуда. Буду наслаждаться процессом.

Петрович фыркнул и подергал щекой — типа ну и дурак! Тут я с ним однозначно не согласен, однако развивать тему не стал: во-первых, бесполезно, во-вторых, уже некогда: Галя снова впорхнула в кают-компанию, на этот раз в более приличном облачении. Впрочем, облегающий спортивный костюм позволил в полной мере оценить фигуру девушки, и отворачиваться я, понятное дело, не спешил.

— Ой, а ты чего это в форме? — удивилась Галя, вновь склоняясь над баром.

— Вообще-то я на службе, — не сводя взгляда с упругих округлостей, отозвался я.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> Тише едешь — дальше будешь	5
<i>Глава 2.</i> Там на неведомых дорожках	47
<i>Глава 3.</i> Так и живем...	89
<i>Глава 4.</i> Это «жжжжж» неспроста...	136
<i>Глава 5.</i> Рыцари плаща и кинжала	177
<i>Глава 6.</i> Прямо пойдешь...	217
<i>Глава 7.</i> Оставь надежду всяк сюда входящий...	258
<i>Глава 8.</i> О сколько нам открытий чудных...	297
<i>Глава 9.</i> Сколько веревочка ни вейся...	335